

бочих и заводчиков исходили главным образом из интересов последних (с. 431—432). В результате массовых волнений рабочих индивидуальный террор достиг такого размаха, что вынудил заводчиков и их управленцев нанять охрану для защиты себя и своих домов. Центральная и местная власти сделали ставку на подавление протестных движений с помощью карательных органов и военной силы (с. 435), что и привело в итоге к социальной катастрофе — революциям 1905—1907 и 1917 гг., в которых активно участвовали и уральские рабочие. В этой связи отмечу, что авторское утверждение о возможности установления «социального мира», на мой взгляд, весьма сомнительно, что доказывает и представленный в книге фактический материал.

В целом обстоятельное исследование Д.В. Гаврилова существенно

дополняет наши представления о важнейших явлениях жизни горнозаводского Урала второй половины XIX в., даёт возможность проследить происходившие в крае процессы социально-экономической и политической модернизации, а также вносит существенный вклад в изучение экономических и социальных предпосылок российских революций начала XX в.

Примечание

¹ См., например: *Арсентьев В.М.* Рабочая история первой половины XIX века в пространстве истории российской промышленности // *Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра.* Екатеринбург, 2012; *Нестеров В.В.* Этнографическая история социальных групп и классов // *Социальный педагог: Доклады, программно-методические материалы для педагогических учебных заведений.* М., 1991; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Власть и рабочие в 1917 г.: очерки истории и историографии. Екатеринбург, 2011.

Василий Черноперов, Сергей Усманов

Утраченное наследие российской аграрной науки*

Vasily Chernoperov, Sergey Usmanov
(both — *Ivanovo State University, Russia*)

The lost heritage of Russian agricultural science

DOI: 10.31857/S086956870012212-4

Научные интересы доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН С.А. Козлова весьма разнообразны¹, однако специалисты знают его как автора трудов по отечественной истории сельского хозяйства XIX — начала XX в.² Данной проблематике посвящена и рецензируемая монография, основанная на широком круге источников. Это документы фондов Центрального госу-

дарственного архива г. Москвы, Центрального государственного архива Московской области, Центрального архива документальных коллекций г. Москвы; опубликованные материалы Центрального архива ФСБ России, издания Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), дневники и воспоминания членов этого общества, посвящённые сельскому хозяйству статьи ряда газет и журналов.

* *Козлов С.А.* Российские учёные-аграрники XIX — начала XX в. Историко-биографические очерки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.

Состоящее из трёх глав исследование «прежде всего нацелено на выяснение роли личностного фактора (тесно связанного со специфической силой экзистенциальной индивидуальности и пассионарности (динамичной предприимчивости) того или иного подвижника) в развитии российской аграрной науки и сельскохозяйственной практики XIX — начала XX в.» (с. 7). В основу его архитектуры положен хронологический принцип: первая глава посвящена деятельности отечественных специалистов-аграрников до начала российских преобразований 1860-х гг., вторая — пореформенного периода, третья — рубежа XIX—XX вв.

Каждая глава открывается преамбулой с краткой социокультурной, политической и аграрно-экономической характеристикой рассматриваемого периода, затем (подобно параграфам) следуют очерки о теоретиках и практиках устройства «сельской России». Среди них известный «натурфилософ» и аграрник М.Г. Павлов, крупный предприниматель П.А. фон Бильдерлинг, агроном и общественный деятель В.Г. Бажаев, выдающийся аграрник и просветитель М.М. Щепкин, автор литературных и хозяйственных трудов Е.А. Авдеева и др.

«Именно эти люди, — отмечает Козлов, — внесли наибольший реальный вклад в соединение теории и практики в сельском хозяйстве России» изучаемого периода (с. 6). Действовали они в существенно отличающихся условиях и обстоятельствах, но почти всегда позитивно, оригинально, творчески. Козлов с большим уважением относится к своим героям, пожалуй, даже отчасти возвеличивает их. Поскольку почти все они принадлежали к дворянскому сословию, их труды и свершения практически игнорировались как советской аграрной наукой, так и исторической. Видимо,

особым вниманием автора к дворянству можно объяснить неравномерное распределение им материала. Его явно не устраивал тривиальный подход — дать примерно равный по объёму материал. В первую главу (171 с.) включены очерки о шести выдающихся учёных-аграрниках, во вторую (86 с.) — о четырёх, а в третью (195 с.) — всего о трёх. Напомним, что на протяжении XIX в. число занимавшихся наукой «не дворян» возрастало, а представителей привилегированного сословия уменьшалось. Возможно, интуитивно желая «перебороть» это обстоятельство, исследователь и акцентирует внимание на дворянах. Он воздал должное трудам и поискам «забытых» соотечественников, показав уникальное аграрное наследие императорской России.

Поскольку организаторами и реформаторами сельского хозяйства в то время были главным образом помещики, автор акцентирует внимание на хозяйственно-просветительской деятельности МОСХ. Дело в том, что все герои книги (кроме Авдеевой) являлись членами этой динамичной организации (или сотрудничали с ней), выдававшей, как правило, глубоко обоснованные дельные предложения по развитию в России аграрной сферы. В этой связи отметим, что книга в немалой степени повествует о *самоорганизации* российских учёных-аграрников. Для Козлова наиболее важными стали их новаторские изыскания и практические разработки для сельского хозяйства страны. По его мнению, аграрники дореформенной эпохи создали устойчивую сельскохозяйственную терминологию, утвердили в обществе авторитет аграрной науки (через «Земледельческий журнал» и другие аграрные издания), разработали модели рационального хозяйствования и выработали теоретические основы будущей общенациональной

хозяйственной стратегии с учётом региональной специфики (с. 470—479).

Автор отметил личные заслуги каждого персонажа книги в развитии аграрной науки и практическое применение её достижений. Например, Бажаяев обосновал способы улучшения травопольного хозяйства и изложил их в руководстве понятным для массового читателя языком (с. 309—310, 312—320, 322, 326 и др.); С.С. Бехтеев организовал первый в России хлебный элеватор (с. 348, 351—352); Щепкин разработал основы «племенного дела» в животноводстве (с. 397—401, 404—410).

Козлов подчёркивает, что российские аграрники всегда были в курсе мировых экономических и сельскохозяйственных новаций и достижений. Так, в первой четверти XIX в. один из пионеров российской аграрной науки Павлов посетил Германию, Великобританию, Швейцарию и Францию с целью изучения особенностей развития их сельского хозяйства. Заметное влияние на учёного оказали преподаватель первого в мире учебного сельскохозяйственного заведения — Меглинской сельскохозяйственной академии в Германии — А.Д. Тэер и натурфилософы Ф.В.Й. Шеллинг и Л. Окен (с. 23—24, 26).

Традиция внимательного исследования иностранного опыта и применения его в России сохранилась и в пореформенный период. В 1860—1870-х гг. аграрник-учёный и практик М.В. Неручев, опираясь часто на зарубежный передовой опыт, в своих многочисленных публикациях критиковал формы и методы природопользования, сохранявшиеся на родине «в результате диктата архаичных общинных традиций, а также ввиду отсутствия помощи со стороны государства» (с. 217—218). Его современник Ф.А. Баталин сделал достоянием широкой общественности наработки в

силосовании кормовых трав немецкого профессора-аграрника Г. Зетегаста и французов О. Гоффара и Э. Лекуте (с. 226—227). В начале XX в. Щепкин совершил поездку на Туманный Альбион для изучения и распространения в России британских достижений в области рационального животноводства (с. 403—405).

Козлов приводит десятки подобных примеров, что позволяет с уверенностью говорить о прочном вхождении российских учёных-аграрников в общеевропейское «аграрно-интеллектуальное пространство». Но знали ли на Западе об успехах российских учёных, использовался ли там их опыт? Ясных ответов на эти вопросы в монографии нет.

При рассмотрении активной просветительской и практической работы отечественных учёных-аграрников Козлов ставит ещё одну проблему — о возможности эффективного использования новаторских аграрных разработок в условиях императорской России. Автор, весьма критически настроенный в этом вопросе, неоднократно подчёркивает, что российская власть почти не знала истинных потребностей сельского хозяйства и не оказывала помощи аграрной науке страны (с. 475—476, 482). Козлов недоумевает относительно того, что нереализованность многочисленных разработок и предложений происходила не столько из-за недостатка усилий самих деятелей аграрного движения, сколько из-за невнимания и равнодушия правительственных кругов. С этим нельзя не согласиться, однако, на наш взгляд, данный факт является весьма объяснимым: бюрократическое государство всегда душит инициативу, «продавливая» свои решения, зачастую оторванные от реальной жизни.

Особо отметим ещё один существенный акцент исследования — в

нём не раз критически оценивается архаика русской крестьянской общины. Вывод же автора выглядит, без преувеличения, сокрушительно: роковую роль в судьбе аграрной модернизации России наряду с политическими факторами сыграл «архаично-дремучий крестьянский традиционализм, который в обстановке военных лишений Первой мировой войны проявил свои худшие качества, в том числе стремление к самоизоляции и... круговую общинную поруку насилия и грабежа» (с. 495). Впрочем, исследователь признаёт также и недостатки самих аграрников-дворян, которые, например, возлагали порой неоправданные надежды на сотрудничество с верховной властью, поздно осознали значимость крестьянской кооперации, недооценивали роль женщин в сельском хозяйстве (с. 489).

Книга С.А. Козлова весьма актуальна и полезна для отечественной науки, прежде всего с учётом поставленной в настоящее время задачи обеспечения продовольственной безопасности России. Вместе с тем представленные в исследовании по-

ложения и выводы российской аграрной науки ушедшей эпохи являются во многом безвозвратно утраченным наследием. Таким образом, рецензируемое издание оказывается не только веским свидетельством историка, но, по сути, серьёзным обличением широкомасштабных и в основе своей антинациональных экспериментов, которые принесли нашей стране в XX в. столько бедствий.

Примечания

¹ См., например: Козлов С.А., Анкудинова А.М., Иерусалимский Ю.Ю. Ярославская земля в древности. Ярославль, 2001; Козлов С.А., Дорожкина Н.И. Правление Екатерины Великой: Сложные вопросы на уроках истории. Учебное пособие. М., 2010; Козлов С.А. Русские люди об англичанах в XIX — начале XX в. М., 2015.

² Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечернозёмные губернии) / Отв. ред. А.В. Семёнова. М., 2002; Козлов С.А. Аграрная рационализация Центрально-Нечернозёмной России в пореформенный период (по материалам экономической печати) / Отв. ред. В.Я. Гросул. М., 2008; Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечернозёмной России в конце XIX — начале XX в.: по материалам экономической печати. М., 2012; и др.

Валерий Дурновцев

Рец. на: Э.Г. Истомина. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII — начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. 358 с., ил.

Valeriy Durnovtsev

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: E.G. Istomina. Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya (XVIII — nachalo XX v.). Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870012213-5

Научные интересы Э.Г. Истоминой давно и прочно связаны с исторической географией и смежными с ней направлениями. В известной мере её работы не только являются фактом научной биографии, но и отражают тенденции развития этой специальной исторической дисциплины.

Их характерной особенностью является «историзация» проблематики, традиционно относящаяся к естественным наукам. Таковы исследования водных путей и ресурсов во второй половине XVIII — начале XIX в., водного транспорта в дореформенный период и др., которые можно объе-